

Судьбы

Сегодня, когда остаётся всё меньше ветеранов Великой Отечественной, миссия хранить живую, подлинную историю России возложена на их детей, переживших военное лихолетье. Но ответственность за сохранение памяти рода, памяти страны лежит и на внуках солдат второй мировой. Они могли слышать живую историю фронтовиков. Для большинства правнуков это поколение – уже легенда... Предлагаем вниманию читателей «ММ» эссе Павла Акулова из посёлка Приморский.

Крестьянская работа

Мой дед Иван Терентьевич Морозов о войне не любил рассказывать, но о наших предках поведал: «Мать моя, Анна Адамовна, была родом из деревни Кожемячино, что в пяти верстах от Обухово, в Белоруссии. Отец её, Ясучёнок Адам, прожил 88 лет. А мать Марьюта – 77 лет. Этих дедушку и бабушку я совсем не помню. Хотя в семье и были разговоры, что дед Адам приходил к нам, брал меня к себе на колени, а я ошупывал его большую бороду.

Мать, как и отец, была неграмотной, имела спокойный характер; никогда не ввязывалась в ссоры соседок, детям внушала кротость и добродетель. «Уступи дураку, а не дерись», – говорила нам при разборе конфликтов.

Трудолюбие её и работоспособность были такие же невероятные, как и у большинства сельских женщин. Летом вставала с рассветом, а если зимой, так со «вторыми петухами» – это значит часа в три ночи, ей надо было испечь русскую печь, приготовить завтрак и обед для всей семьи. Зимой бесконечная прядка, летом полевые работы до ночи. Мать выполняла любую крестьянскую работу. Лишь за плетением лаптей я никогда её не видел. Не вязала она и носков с варежками. Видимо, это было исключительно бабушкиной работой. А ведь выткать узорчатую скатерть в 12 либо 16 «нитов» она умела. Хотя в деревенском быту было не до узорчатых рушников и скатертей – надо было много простого сукна да полотна.

Отец прожил всего 60 лет, мать – 87. Последние свои годы они прожили в селе Долгодеревенском Челябинской области. Там и приняла их земля».

Драгоценная соль

О своём отце, моём прадеде, Иван Терентьевич писал в своих воспоминаниях: «Как старший сын в семье мой отец был призван в солдаты только на войну 1914 года, в мирное же время в армии он не служил. Отлично помню, как в дождливую ночь мы на улице провожали отца-солдата, прибывшего на побывку. Мать плакала, держа меня на руках, хотя мне было больше трёх лет. С западной стороны пылало зарево и была слышна артиллерийская канонада. Отец, целую меня, уколол стриженными усами.

Отцу не было ещё и сорока лет, когда его совсем большого демобилизовали. Очевидно, это было вскоре после Февральской революции. Часто слышали слова: «Царя скинули! Ну что теперь будет?!» Другие говорили: «Давно надо было сбросить этого кровопийца!» Вернулся из Петрограда Никита Васильевич – шофёр. Этот и про Степана Халтурина, и про программы разных партий знал. В деревне

Артиллерист и партизанка

Истории о сильных духом людях должны передаваться из поколения в поколение

Иван Морозов

сложилось мнение, что большевики заботятся о простом народе, их надо поддерживать. Одна беда – в бога не верят.

Голодные годы начались в белорусской деревне. Не было соли. Кажется, соль была самым дефицитным продуктом. За десять фунтов соли отец был вынужден отдать телёнка. Деревянную кадучку, в которой десятилетиями хранилась соль, раскололи на мелкие щепки, которые понемногу забрасывали в суп, чтобы посолить его. Яйца либо картошку обменивали у спекулянтов на спички, мыло и сахарин. Керосина не было. Освещали избу зажжённой лучиной, которая неизменно дымила, а света давала мало. Старшие братья при лучине, а то и просто от огня в печи, освещали свои учебники и так выполняли домашние задания. Вместо тетрадей, которых почти совсем не было, пользовались грифельной доской. Это спасало. Новых учебников не было, а некоторые старые не годились.

От зари до зари

Отец был неграмотен, но весьма сообразителен и опытен в крестьянской жизни, трудолюбив и работоспособен до невероятности. Солнце никогда не заставляло его в постели. Работали от зари до зари, захватывая ночь, когда необходимо.

Дети включались в трудовой ритм с раннего возраста. А с десяти лет ребёнок работал с топором и пилой на заготовке дров в лесу. Валить деревья – очень тяжёлая работа. Утомиться так, что еле ноги волочишь. А вот сказать отцу про то, что устал, я не мог. Так было во всех семьях: слово отца – высший закон.

Летние работы, конечно, были несравненно легче для детей. Например, вывозка навоза. Взрослые копают слежавшийся, утрамбованный навоз и вилами грузят на телеги. Мальчишка везёт этот груз в поле и там взамен получает порожнюю телегу. Вот тут уже благодать! Встанешь на телегу и гонишь её под загрузку с гордыми криками. Вывозка навоза почти всегда осуществлялась «толокой» или «помочью»: коллективно, поочередно вывозили у всех соседей.

Много радости и много работы прибавилось семье, особенно отцу, когда в 1923 году к хуторку – четыре десятины – прирезали ещё девять десятин крайне неудобной, пустующей земли. Надо было срезать кочки, срубить и выкорчевать кустарник, накопать канавы для осушения.

К 1928 году хозяйство стало среднестатистическим: две лошади, три коровы, шесть голов овец, свинья, куры. Из сельскохозяйственных машин смогли купить только веялку, о молотилке же только мечтали. Хлеб молотили цепами вручную. Не зная бы этой «каторжной» работы! Пыль, набивавшаяся в лёгкие, в течение суток отхаркивалась чёрной грязью. А через сутки в овине уже снопы подсушатся...

И так всю осень. Ещё тяжелее было мять лён. Но с ним управлялись обычно в два дня. Льномялки были в ближайших деревнях: Сухопятово и Дуброво. Это примерно в четырёх-пяти километрах. Туда и возили для обработки.

С религией у отца были сложные отношения. Он признавал существование бога и побаивался его, однако священнослужителей считал обманщиками, а святых – выдумкой попов. Безупречная честность, верность данному слову отличали отца. Таким он мне и запомнился».

Первая зима войны

О войне дед вспоминал: «Мы голодали и кормили вшей. С первого октября 1941 по первое марта 1942 года, то есть четыре зимних месяца, я не был в избе и ни разу не мылся в бане. Укрытием от зимы и врага служила только лишь выдолбленная в промёрзлой земле «щель», прикрытая деревянными обломками и присыпанная землёй.

Подхожу к госпиталю, а возле него сложена поленница. Только не дровами выложена, а ампутированными ногами и руками наших солдат...

Приезжаем на новую позицию. Надо окопать орудие. Полугодные, долбим мёрзлую землю. Окопав пушку, приступаем к рытью «щелей» для укрытия, а по возможности и добротной землянки. Только закончили, как вдруг команда: «Передислоцироваться на новую позицию», – а там всё сначала.

Бывало и так, что при серьёзном морозе мы уже не могли обустроить себе землянку. Тогда настигали сосновых и еловых веток и спали вповалку, укрывшись брезентом от орудия, будучи уверенными, что пушки не замёрзнут. Бойцы, что лежали посередине, сразу засыпали, а крайних не нарочно выкатывали на мороз. Они просыпались и залезали в середину. Так, до утра, тебя раз шесть выкатят на морозный воздух».

Дед всегда повторял, что на войне нет никакой романтики, а есть лишь много страданий и лишений. Голод, холод и ожида-

ние смерти каждую минуту.

В партизанском отряде

Бабушка, Любовь Сидоровна Полевченко, родилась 15 ноября 1918 года в селе Урече Клястицкого сельсовета Россонского района в Белоруссии. Хотела стать агрономом-полеводом и работать бригадиром в поле. Но началась война, и она оказалась на оккупированной территории.

Однажды Любовь Сидоровна была доставлена в немецкую комендатуру, где подверглась жестоким допросам. Кто-то из односельчан донёс, что у неё есть радиоприёмник, а муж – офицер Красной Армии. Родственники, как могли, пытались отстоять Любу. Вместе с жителями собирали шерсть, мясо, молоко, яйца, чтобы задобрить и «выкупить» её у немцев. А одноногий дядя Саня однажды отчаянно вцепился в немецкого солдата, приехавшего за пленными. Трёхгодовалый сын Валера бежал за машиной и кричал: «Верните маму!» Вскоре он умер от «падучей».

Допросов было несколько. В ночь перед казнью Любу отпустили домой. Похлопотал её одноклассник, служивший у немцев полицаем. Дядя Саня увёл Любу в лес к партизанам.

Любовь Сидоровна в партизанском отряде готовила еду, стирала одежду, бинты. Иногда ходила в разведку, переодевшись в деревенского жителя, с лукошком в руках. Вела счёт, сколько немцев и техники находилось в том или ином селе. Потом рассказывала дочерям: «Страшно, когда ночью весь лес освещён немецкими ракетами. Кажется, что сейчас именно тебя заметят и убьют».

Когда переходили вброд реку Дриса, ноги так распухли, что Любе пришлось разрезать сапоги после разведки, чтобы их снять. А когда шли по болотам, часто перешагивали тех, кто от потери сил падал в топь. С партизанским отрядом Любовь Сидоровна перешла линию фронта и оказалась на свободной от врага территории.

Зверства фашистов

В память деду врезались зверства фашистов: «Немцы поджигали сёла, а выбегающих из огня жителей расстреливали. В селе Колюбакино, близ Звенигорода Московской области, после ухода немцев мы нашли изувеченного ребёнка. Ему достался удар сапога в спину от фашиста, у которого он попросил хлеба».

Дед видел полностью разрушен-

ную Вязьму. В Полоцке уцелели всего два здания. В Смоленске и Витебске остались ряды фасадов домов, в которых не было внутренних и задних стен. Отступая, немцы сжигали все деревья, взрывали каждое кирпичное здание, каждый мост и каждый стык рельсов железных дорог.

Сентября 1941 по июнь 1942 года дед был командиром орудия 277 отделения зенитно-артиллерийской батареи 144-й стрелковой дивизии 5-й армии Западного фронта. Его расчётом было сбито два вражеских самолёта, что считалось большим достижением. Расчёт был представлен к наградам.

Полонез Огинского под бомбами

За оборону Москвы дед получил медаль. На крыше гостиницы «Москва» был размещён его орудийный расчёт. Приходилось не только стрелять по самолётам противника, но и тушить зажигательные бомбы. Однажды, когда тушил на чердаке зажигательную бомбу, услышал, как кто-то играл на рояле его любимую мелодию – «Полонез Огинского». Мелодия навеяла воспоминания из мирной жизни и высекала скупую мужскую слезу.

Осколком разорвавшейся бомбы 31 октября 1941 года Иван Морозов был ранен в руку. После госпиталя снова вступил в строй. А в июне 1942 года его направили учиться в Барнаул в артиллерийское училище. Окончил училище с восемнадцатью пятёрками. Его назначили командиром взвода курсантов и преподавателем. Потом в Барнаул приехала жена, и семья воссоединилась. В 1945 году в Барнауле родилась дочь Елена.

Когда закончилась война, вышел в отставку в звании старшего лейтенанта, а в 2000 году ему было присвоено звание капитана. Награждён орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени и медалями «За оборону Москвы» и «За победу над Германией».

На Южном Урале

Иван Терентьевич переехал в Челябинскую область вслед за родственниками. Был директором лесхоза в районном центре Багаряк, лесничим в Бредах, Нижнем Уфалее, селе Анненское. Опыт борьбы с зажигательными бомбами пригодился при тушении лесных пожаров, которые случались очень часто. В 1947 году в посёлке Рымникском Брединского района родилась дочь Людмила.

На станции Буранная работал директором перевалочной базы. Потом выучился на бухгалтера и работал много лет в общепите Магнитогорского металлургического комбината. Пользовался уважением сотрудников, так как всегда придерживался справедливых решений всех споров и вопросов. Выйдя на пенсию, стал председателем совета ветеранов Орджоникидзевского района Магнитогорска, был народным заседателем в суде.

Мы жили в деревне. Когда дед приезжал в гости, то на улице здоровался с сельчанами, снимая шляпу. Часто повторял, что только благодаря новой стране все получили возможность учиться, и с большой горечью принял развал СССР. Дети Ивана Морозова получили высшее образование и стали учителями.

Павел Акулов

Любовь Морозова (Полевченко)